

В.М.Давыдов

Глобальные и региональные детерминанты развития Латинской Америки

Мировая система вступила в переходный период, в рамках которого осуществляются глубокие структурные трансформации, ведущие к новому миропорядку, к новой технологической основе и измененному составу социума. Латиноамериканские и карибские страны все более интенсивно вовлекаются в мирохозяйственные и мирополитические процессы, сталкиваясь, впрочем, с немалыми рисками, но сохраняя при этом свою специфику, повышая способность к отстаиванию их интересов и к расширению доступа к механизмам глобального регулирования.

Ключевые слова: мировая экономика, мировая политика, Латинская Америка, переходный период.

Говоря о новых тенденциях в мировой латиноамериканистике, уместно сослаться на конгресс Международной федерации исследований Латинской Америки и Карибского бассейна (*Federación Internacional de Estudios sobre América Latina y el Caribe, FIEALC*), прошедший в Белграде в июле этого года. Он убедительно продемонстрировал, что мировая латиноамериканистика все больше разворачивается к пониманию взаимосвязи глобальных процессов и факторов общерегионального и локально-национального значения. Большинство выступлений в рамках магистральных лекций были построены именно в этом ключе. Сошлюсь на крупные доклады Альваро Гарсиа Линеры (Боливия), Риккардо Кампы (Италия), Альберто Ванклаверна (Чили) и автора этой статьи. Вторая отличительная черта выступлений, прозвучавших на конгрессе, — акцент на междисциплинарные аспекты, примером чего являлся доклад Эуфемии Павлакис (Гре-

Владимир Михайлович Давыдов — член-корреспондент РАН, научный руководитель ИЛА РАН (davydov@ilaran.ru).

Статья написана на основе выступления автора на Третьем международном форуме «Россия и Иберо-Америка в глобализирующемся мире: история и современность», состоявшемся в Санкт-Петербурге в октябре 2017 г. Материалы этого форума будут опубликованы в ближайших номерах нашего журнала.

ция), выявляющий корреляцию между литературным процессом и реалиями экономического развития¹.

Но мы сосредоточимся на первом. Показательно, что даже те, кто занимаются конкретно-исторической тематикой, сегодня признают необходимость видеть общемировой контекст крупных исторических событий на латиноамериканской почве. Характерным свидетельством служит публикация в недавнем номере журнала немецких латиноамериканистов².

В свое время (1970—1980-е годы) латиноамериканские структуралисты, отталкивающиеся в своей логике от разработок Рауля Пребиша и его школы, и депendentисты, представленные широким диапазоном школ и течений, уже пытались преодолеть периферийность мышления³. В этом смысле наиболее крупный шаг вперед сделали «миросистемщики» — идейно-теоретическая школа, ассоциирующаяся с именами американца Иммануила Валлерстайна, египтянина Самира Амина и итальянца Джованни Арриги. Однако даже в этой, можно сказать, «высшей точке» очевидная субъективность западных исследователей недооценивалась. Сегодня, когда звезда «коллективного Запада» заметно померкла, когда на авансцену выходят новые центры влияния в глобальном и региональном зачете, мы никак не сможем определить равнодействующую траекторию развития, не поместив регион в «общий котел» мировой динамики, с одной стороны, а, с другой — не поняв того, что совокупный результат мирового развития есть итог взаимного влияния и взаимодействия всех компонентов глобального сообщества.

В конце концов такой подход вполне адекватен характеру становления и эволюции латиноамериканского регионального сообщества. Его рождение стало последним рубежом, замкнувшим «круг» мирового рынка, а затем региону пришлось сыграть роль крупнейшего поставщика денежного материала для покрытия растущего мирового торгового оборота и формирования ядер крупного капитала. Впоследствии, как мы знаем, регион оказался своего рода «мировой лабораторией» формирования и сосуществования разных социально-экономических укладов.

Глобальная система мировой экономики обуславливает, детерминирует динамику и эволюцию отдельных ее компонентов. Но и те, в свою очередь, корректируют, закрепляют либо ослабляют действие общей мирохозяйственной динамики. Таким образом, на ниве латиноамериканистики, как, впрочем, и в поле других регионоведческих изысканий, необходимо в полной мере прослеживать и учитывать обозначенную диалектику.

Восприятие особенностей современной ситуации в мировой экономике (да и в мировой политике) ассоциируется с **переходным периодом** исторического значения. Неопределенность мирохозяйственного бытия, турбулентное состояние мировой экономики и мировой политики и есть, на наш взгляд, естественное следствие нынешнего состояния переходности. А иначе, наверное, и не может быть. Затеявая разговор о доминирующих сдвигах в мировой экономической практике, заметим, что в совокупности они, как представляется, отражают **многовекторную структурную трансформацию** глобальной системы экономических и социальных взаимосвязей.

В свою очередь, характеризуя современное состояние МЭ (конъюнктурное оживление 2017 г. пока не отменяет долгосрочный тренд), следует

говорить о заторможенной динамике МЭ, о дефиците спроса и избытке ликвидности, отрыве финансовой сферы от почвы реальной экономики, от инвестиционного процесса в производстве, об усилении экологических ограничений и климатических рисков, о смене моделей демографического воспроизводства и, наконец, об усугублении неравенства в разных его ипостасях.

Считается, что на нынешнем этапе перспектива утверждения новой технологической парадигмы связана с четырьмя областями: нано-, биотехнологией, информационной и когнитивной технологией, которые в сочетании призваны дать синергетический эффект. Все это переводится на рельсы инновационной практики, которая становится мощным интегратором, создающим ведущий кластер в передовых экономиках и в целом в системе мировой экономики. А усиление этого кластера и затем его экспансия способствуют масштабной структурной перестройке, в ходе которой на передний план выходят новые отрасли и хозяйственные макроструктуры.

При все большей взаимозависимости отдельных звеньев МЭ обнаруживается нарастающая неравномерность развития. Она проявляется в разных измерениях, в том числе изменением отраслевых пропорций мирового хозяйства вследствие разнотемпной динамики, перепадами в соотношении конкурентоспособности национальных хозяйственных систем, ростом различий в уровне благосостояния и качестве жизни передовых и отстающих государств. Ну и, конечно же, в крайне непропорциональном распределении доходов по ступеням социальной пирамиды.

В нынешнем мировом контексте ситуация усугубляется тревожным поворотом к усилению социального неравенства. Об этом с большими опасениями говорят и экономисты, и политики, и международные чиновники. Но дело не только в практически повсеместном увеличении разрыва между высшим и низшим слоем, на что имеются неопровержимые доказательства. Речь идет также об эрозии средних слоев, ставших действительно массовым сегментом в социумах «коллективного Запада».

С другой стороны, прогрессирующая эрозия природной среды выводит мировое сообщество на Рубикон, за которым стоят необратимые катастрофические последствия. Надежды на лучшее сегодня связаны с Парижским соглашением 2015 г., закрепившим итог долгих и острых дебатов относительно пропорций ответственности и вкладов в мировой фронт практических действий. Цель соглашения — до конца XXI в. не допустить подъема среднемировой температуры за пределы двух градусов по Цельсию относительно доиндустриальных параметров. Парижское соглашение дает шанс выработки и реализации консенсусной программы — минимум на основе согласованной шкалы общечеловеческих ценностей. Близорукая и эгоистичная акция администрации Дональда Трампа, объявившей о выходе из этого соглашения, достойна глубокого сожаления.

Представление о возможности достижения широкого согласия дает сопоставление двух раундов формирования консенсусной программы действий. Первый — выделение восьми приоритетов в качестве Целей тысячелетия. Второй — обозначение семнадцати общемировых приоритетов устойчивого развития. В перечне стратегических установок на 2030 г., принятых генассамблеей ООН в 2015 г., доминируют два императива — социальный и экологический. Как видим, с немалыми

трудностями, но все же вокруг них удалось сформировать мировой консенсус. Другое дело — имплементация, которая всегда являлась и является камнем преткновения.

Общественно-научная деятельность предпринимает немало усилий для того, чтобы наиболее полно и всесторонне исследовать экономические и социально-политические реалии, однако, откровенно говоря, мы сейчас способны адекватно оценить формально регистрируемые события и явления, но до сих пор не обладаем инструментами, необходимыми для познания нерегистрируемых процессов. Между тем «подспудная» действительность представляет собой, во-первых, довольно широкий спектр реалий, которые весьма существенно корректируют формализованные процессы. Немало аналитических работ посвящено неформальному (или теневому) сектору экономики. Растущий сегмент хозяйственной жизни связан с криминальным оборотом товаров и услуг, включая «живой товар», наркотики, оружие, торговлю человеческими органами, не говоря уже о тривиальной контрабанде. Борьба с организованной преступностью и коррупцией становится приоритетной стратегической задачей во многих странах, но часто непосильной на институционально-национальном уровне, учитывая нынешний трансграничный масштаб оргпреступности⁴.

Слишком многое сегодня упирается в возможности института государства. Справедливо, что он претерпевает эволюцию, делегируя часть полномочий вверх на наднациональный уровень и вниз — на локальный. Но, строго говоря, перед нами все еще наполеоновская матрица — государство министерств. Без коренной модернизации государства бессмысленно ставить вопрос о соотношении государственного и частного (рыночного) начала в экономическом развитии, бессмысленно говорить об обеспечении суверенитета, национальной, гражданской и экономической безопасности.

Верифицированная статистическая регулярность указывает на циклическую вероятность очередного мирового экономического кризиса на исходе текущего десятилетия. И он, по всей видимости, будет носить экстраординарный характер, поскольку ни на глобальном, ни на региональном, ни на национальном уровнях не извлечены должные уроки из предыдущего кризиса, не созданы новые механизмы регулирования.

Традиционные центры прошли последний мировой кризис с максимальными издержками, страны Латино-Карибской Америки (ЛКА) — с минимальными, встав в один ряд с государствами, представляющими нарождающиеся рынки других регионов. Конечно, сказалось накопление ресурсов благодаря высокой внешней конъюнктуре предкризисного периода на сырьевые, полусырьевые товары и на продукцию аграрно-промышленного комплекса. Это помогло избавиться от проклятия хронической внешней задолженности, сбалансировать госбюджеты и нейтрализовать риски инфляции. Но другая важная причина была заложена в изменении парадигмы экономической и социальной политики. Этому предшествовал отход от крайностей неолиберальной «моды»; из-за ее завышенных социальных издержек чаши электоральных весов склонялись в пользу левоориентированных движений и лидеров. Но при этом политический поворот оказался многовариантным.

Странам ЛКА удалось воспользоваться своего рода децентрализацией мирового хозяйства (выходом на верхние ступени мировой иерархии новых протагонистов) и диверсифицировать географию своих внешних связей. В этом смысле глобализация имела весьма позитивный эффект. Но диверсификация затронула и содержание экспорта. Таким странам, как Мексика, Чили, Бразилия, Колумбия и ряду других, благодаря стимулам, встроенным в экономическую политику, благодаря современным финансовым, логистическим и политическим механизмам поддержки экспорта удалось серьезно обогатить его позициями с повышенной добавленной стоимостью.

Так или иначе в годы левой волны (будь то в принципиально-политическом либо прагматическом ключе) латиноамериканским странам удалось совершить беспрецедентный исторический прорыв. Зона бедности в целом по региону уменьшилась с 44% в середине 90-х годов, до 28% на уровне 2014 г. Десятки миллионов человек получили доступ к современным стандартам потребления (фактически 50 млн). Менее чувствительно, но все же заметно в первую декаду нового века стала уменьшаться поляризация в распределении доходов.

В посткризисный период темпы экономического роста пошли на убыль в целом по региону. В последние годы общерегиональный показатель опустился даже ниже черты среднемирового темпа прироста ВВП. Судя по всему, в странах ЛКА, во-первых, недостаточной оказалась «подушка безопасности», созданная в годы «тучных коров», а во-вторых, оказалась недостаточной диверсификация экономики, экспорта и, в конечном счете, участия в международном разделении труда.

Можно с уверенностью сказать, что региональная проблематика в нынешних условиях во многом (но отнюдь не во всем) повторяет глобальную проблематику. Иными словами, степень корреляции между ними достаточно высокая. В свою очередь, на региональном уровне различия связаны со степенью остроты тех или иных проблем. Находясь на среднем этаже мировой иерархии (8% с небольшим доля от ВВП по ППС и 8% с небольшим квота в населении планеты, ~10% доля в суммарной численности среднего класса и т.п.), ЛКА гораздо больше обременена социальными императивами. Несмотря на «прорывные» результаты первого десятилетия нового века в преодолении порока бедности и некоторое ослабление поляризации в распределении доходов, государства региона в своем большинстве, увы, остаются лидерами в имущественном расслоении на обозримую перспективу. И это, несомненно, будет «давить» на электоральные настроения.

Экономики стран ЛКА в полной мере испытывают детерминирующее внешнее воздействие. Сырьевой крен в специализации экономики при нынешней ценовой конъюнктуре создает своего рода «кандалы». Но так есть и будет при инертности и замедленном развитии в добывающих отраслях. Поэтому во многих странах региона теперь рефреном звучит призыв к энергичной индустриализации первичного сектора, к созданию на его основе вертикали перерабатывающих производств, точнее — к реиндустриализации. Ну, а нынешняя ценовая конъюнктура на рынке сырьевой продукции не может быть константой при поступательной диверсификации промышленного производства как в центрах, так и на периферии мировой экономики. В большинстве случаев объективным условиям региона соот-

ветствует модель перерабатывающей модернизации, в которую могут быть включены общие императивы, обозначенные в ООН 17 приоритетами устойчивого развития. Речь идет о «перерабатывающей» модернизации в смысле преобразования традиционных отраслей, насыщения их современной техникой и передовым менеджментом. В отличие от «перепрыгивающей», т.е. перехода от архаичной агрокультуры к микроэлектронному производству, как это было в Юго-Восточной Азии. Во многом похожая перспектива существует и для России в силу наличия схожих условий в отраслевой структуре, и в силу инертного характера российской экономики. Но глядя в будущее, можно сказать, что наиболее адекватным, на наш взгляд, станет сочетание двух моделей.

Политика, направленная на преодоление заторможенной динамики, сегодня ассоциируется с дальнейшим продвижением по пути диверсификации экономики и экспорта, селективного привлечения иностранного капитала, способного к эффективному переносу передовой технологии, которая будет выращивать свои кластеры, благоприятствуя повышению конкурентоспособности национальных экономик. При этом нужно задействовать резервы региональной и субрегиональной интеграции, отходя от избыточно закрытых схем, продолжать опыт создания зон свободной торговли (ЗСТ) на индивидуальной основе (с отдельными странами либо с торгово-экономическими группировками).

В технологическом отношении ЛКА сохраняет фазовое отставание от традиционных центров. Но и здесь в передовой группе региона есть свои прорывные достижения, которые обусловлены преодолением отчуждения сферы научно-исследовательских разработок (НИР) от реальной экономики и переходом на инновационную практику. Банально говорить о необходимости дальнейшего развития собственной сферы НИР, о модернизации системы образования. Но применительно к странам региона (особенно в категории наименее развитых), как правило, нужно начинать с качества начальной и средней школы. Стоит лишь подчеркнуть, что часто важнее не форма, а содержание — процесс обучения должен быть очищен от архаичных представлений и наполнен сведениями и методами, проверенными современной наукой и практикой.

В странах ЛКА достигнут серьезный прогресс в развитии институциональной базы общества, закреплены институты и процедуры демократии. Они еще далеки от совершенства, но механизм действует. Как уже отмечалось, хуже обстоят дела с ядром институциональной среды — государством. Без его конструктивной модернизации немыслима реализация высоких целей, намеченных 17 приоритетами устойчивого развития — приоритетами 2030. Другое дело комбинация, в которой только и возможно серьезное продвижение вперед. Авторы последнего документа Экономической комиссии ООН для стран Латинской Америки и Карибского бассейна (ЭКЛАК) в качестве обязательного условия осуществления намеченного выдвигают комбинацию государства, рынка и гражданского общества — формулу, которая, как они признают, завязана на политические решения и политические действия⁵.

Новое структурирование мировой экономики и мирового рынка по линии мегапартнерств, казалось бы, может создать качественно новую ситуацию, подкрепляющую американскую гегемонию и позиции «коллективно-

го Запада» в целом. Однако эти сдвиги не купируют абсолютно и не могут купировать альтернативные проекты. И они вырисовываются в зоне влияния Китая, в зоне лидерства России и других членов БРИКС. В принципе «пятерка» может реализовать проект «союза союзов» (обсуждавшийся на последних академических форумах «пятерки»), опираясь на региональные конструкции, сложившиеся вокруг каждого члена этого формата. Однако возможны и индивидуальные решения, обусловленные осложнениями на традиционных направлениях международного сотрудничества. Свидетельство тому — появление мексиканского президента на последнем саммите БРИКС в Китае.

Говоря о мегапартнерствах, нужно отдать им должное: это удачное и амбициозное изобретение традиционного гегемона в пору президентства Барака Обамы. Но и это изобретение не относится к категории «конца истории». Схемы эти гибкие, не закрытые. В них можно найти уязвимые места, воспользоваться косвенно существующими нишами в зоне их действия. Важно, чтобы на глобальном и региональном уровне был найден баланс с появлением новых, альтернативных структур вне зоны «коллективного Запада». Время вносит серьезные коррективы и в практику, и в наши научные представления о логике структурирования мировой экономики. В ее традиционных центрах и в правящих кругах, и в социуме обнаруживаются и расширяются фракции, потесненные противоречивыми глобализационными процессами. И тогда их представители, получившие доступ к власти, включают протекционистские тормоза — так, как это случилось в США с приходом администрации Д.Трампа⁶. Я далек от мысли списывать со счетов в этой связи перспективу дальнейшей глобализации. Очевидно, что нужно видеть и ее, и то, что действует в противоположном направлении⁷.

Сегодняшние изменения конъюнктуры и ориентиров экономического и политического свойства в ЛКА сопровождаются попытками возрождения дискуссий, казалось бы, давно почивших в бозе, дискуссий между «оптимистами» и «пессимистами». На подиум вышло молодое поколение — неодоесарролисты, неошумпетерианцы и некейнсианцы. Оптимисты (латинооптимисты) считают, что в регионе достигнут значительный прогресс, которому благоприятствовали тектонические сдвиги в мировой подоснове. Но высокая конъюнктура сменилась низкой. Общая динамика развития заторможена. Не ясно, как пойдут дальнейшие дела. Тогда-то на передний край и стали выходить латинопессимисты.

Обращает на себя внимание парадоксальное сходство логики двух точек зрения. Первая — то, что нам твердили в 1960—1970-е годы. Зависимость и отсталость (отсталость и зависимость) — врожденные пороки экономики и общества латиноамериканских стран. Они создают порочный круг, который блокирует развитие. Его преодоление обусловлено революционным сломом прежнего порядка. После этого якобы (через революционно-демократическую фазу) открывается путь к социалистическим преобразованиям. Соответственно оптимисты в определенном смысле становились пессимистами применительно к возможностям эволюционного порядка (реформисты). Пессимисты (в определенном смысле конформисты), не веря в собственные возможности модернизации и «догоняющего развития» стран ЛКА (в этой точке совпадая с оптимистами), в конечном счете склонялись к «энтрегизму» — сдаче на милость гегемона, предположительно

экономического победителя. Все это, конечно, подавалось под соусом призывов к прагматизму и реализму.

Между тем эволюция региона создавала иную картину. При всей периферийности, отсталости и зависимости то на одном, то на другом направлении ощущались прорывы и серьезные продвижения по пути преодоления «роковой отсталости». Повысилась степень социальной зрелости латиноамериканских обществ в целом и в ипостаси гражданских обществ. Латиноамериканская действительность демонстрирует не только негативный, но и позитивный опыт решения проблем современного развития. Поэтому у нас нет никаких оснований смотреть на нее «свысока».

Латиноамериканская проблематика так или иначе перекликается с российской. У нас, понятно, разные исходные позиции. Но последние три десятилетия исторически мы, по существу, шли вслед за латиноамериканскими странами, раньше нас вошедшими в полосу вульгарного неолиберализма. В России 1990-х годов неолиберальные реформы, проводившиеся в ряде стран ЛКА, принимались за образец. Вспомним визит вице-премьера Бориса Немцова в Чили в 1997 г., который рассчитывал на встречу с Аугусто Пиночетом, но тот не снизошел. Потом был приезд в Москву Доминго Кавало (отца аргентинской неолиберальной модели) накануне нашего дефолта в 1998 г. Печальный конец в 2001—2002 гг. реформ Кавало в Аргентине, как известно, расставил точки над «i».

Сырьевая зависимость — врожденная черта многих латиноамериканских экономик, но ее степень отнюдь не всегда может соперничать с российским показателем, за исключением, пожалуй, Венесуэлы. Вместе с тем в регионе немало позитивных примеров отхода от сырьевого заклатья. Среди них — Мексика и Чили, существенно диверсифицировавшие производство и экспорт. Позитивный опыт наращивания агробизнеса и агроэкспорта демонстрируют на инновационной основе Бразилия и Аргентина. В обоих случаях в центре модернизации агробизнеса стояли мощные государственные исследовательские институты.

В разряд прорывных достижений, осуществленных в русле инновационной практики, следует отнести восхождение бразильской «Embraer» на третью ступень мирового самолетостроения. В свою очередь госкорпорация «LAN» (Чили) вошла в десятку лучших авиакомпаний мира. Компания «América Movil», принадлежащая мексиканцу Карлосу Слиму, богатейшему предпринимателю планеты, стала одним из крупнейших операторов мобильной телефонии на американском континенте. Бразильские корпорации «Vale» (металлургия), «Odebrecht» и «Camargo Coreia» (строительный инжиниринг) числятся среди ведущих ТНК своего профиля. Кубинские производители лекарственных средств и экспортеры лечебных услуг по самым тяжелым заболеваниям все более весомо вступают на мировой рынок.

Все это означает, что в латиноамериканском регионе сложились предпосылки для появления зрелых партнеров не только на торговом поприще, но и на ниве производственной кооперации, для совместной реализации крупных инфраструктурных проектов, для подключения к перспективным инновационным программам.

В последнее время в моделях экономического и социального развития государств региона происходят серьезные изменения. Подобные изменения все больше соответствуют тем структурным трансформаци-

ям, которые на современном переходном этапе осуществляются в общемировом масштабе. Эта взаимосвязь и, одновременно, взаимообусловленность становятся все более очевидными. Таков ключевой вызов современности, относящийся к любой стране развивающегося мира и требующий адекватного ответа как в масштабах отдельного государства, так и на мировом уровне.

ИСТОЧНИКИ И ЛИТЕРАТУРА / REFERENCES

¹ A.V a n K l a v e r n. Regionalismo en América Latina. A.G a r c í a L i n e r a. Globalización y deglobalización. El estado del mundo y América Latina. R.C a m p a. Participación política y expectativas sociales. V.D a v y d o v. Contexto global e imperativos propios de desarrollo latinoamericano. E.P a n d i s P a v l a k i s. Literatura y economía. Revelación de conceptos, ideas y temas económicos en la novela latinoamericana: Cajambre de Armando Romero y la mujer que buscó dentro del corazón del mundo de Sabina Berman. — Conferencias magistrales del XVIII Congreso de la Federación Internacional de Estudios sobre América Latina y el Caribe (FIEALC), 25-28 de julio de 2017. Belgrado, Serbia.

² S.K r e p p, A.M o r e l i. Quebrar el bloqueo hemisferico: America Latina y lo global. — Iberoamericana. America Latina, España, Portugal. Julio de 2017, N 65, p. 245-250.

³ См.: В.М.Д а в ы д о в. Латинамериканская периферия мирового капитализма. М., «Наука», 1991, гл. 1. [Vladimir Davydov. Latinoamerikanskaya periferiya mirovogo kapitalizma] [The Latin American periphery of world capitalism]. Moscow, Nauka, 1991, gl. 1.

⁴ См. Современная организованная преступность в Латинской Америке и Карибском бассейне. (Отв. ред. Мартынов Б.Ф., ИЛА РАН). Москва, «Весь мир», 2017. [Sovremennaya organizovannaya prestupnost' v Latinskoy Amerike i Karibskom basseine, orv. Redactor Boris Martynov] [Modern organized crime in Latin America and the Caribbean]. Moscow, Ves' mir, 2017.

⁵ См. Horizontes 2030. CEPAL. México, 2016.

⁶ См. П.П.Я к о в л е в. «Эффект Трампа» или конец глобализации. М., РУСАИНС, 2017. [Petr Yakovlev. "Effekt Trampa ili konets globalizatsii] ["Trump effect" or the end of globalization]. Moscow, RUSAINS, 2017.

⁷ A.G a r c í a L i n e r a. Globalización y desglocalización, el estado del mundo y América Latina. Conferencia magistral. Congreso de FIEALC. Belgrado, 2017.

Vladimir M.Davydov (davydov@ilaran.ru)

Member-correspondent of RAS, Scientific director of Institute of Latin America

Global and regional determinants of the development of Latin America

Abstract. World system enter transitional period that means radical structural transformations leading to the new global order, new technological basis, changed social composition. Latinoamerican and Caribbean countries are more an more incorporated in the world economic and political processes, confronting bigger risks, but at the same time maintaining their specificity, improving their ability to defend national interests and to appeal to the global regulation mechanisms.

Key words: world economy, world politics, Latin America, transitional period.